

УДК 13

Балмахаева Гаухар Рахманалиевна – к.филос. н., доцент (Алматы, КазАТК)

САКРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КОНЯ В ТРАДИЦИОННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Духовное возрождение тюркских народов идет через осмысление своей истинной истории, через возрождение самобытной культуры. И в этом смысле вполне понятен интерес евразийских ученых к исследованию общих исторических корней через призму изучения древних памятников культуры. В данном случае, рассмотрим сакральный образ коня в номадической культуре.

Издавна кочевники у древних греков воспринимались в образе кентавров – мифических полуживотных-полубогов, сильных и недостижимых. Номады, совершая свои набеги, живя на лоне природы, в степном ареале внезапно появлялись и также внезапно исчезали из поля зрения равнинных людей. Поэтому их боялись, о них придумывали всевозможные мифы и легенды. Об их ловкости, мощи и пассионарной силе спустя много веков напишет великий русский историк Николай Гумилев. Он точно подметит незаурядные способности степных полководцев и увидит в этом особый смысл и знак. Знак людей, способных изменять судьбы целых народов и целых поколений людей...

«Когда мальчику исполняется три года, седлают коня, ребенка обучают верховой езде. Ашамай - это вид седла, сделанного специально для обучения ребенка верховой езде. У ашамай, как и у простого седла, бывают две стороны (передняя и задняя), две боковые стороны, "окпан". Вместо стремян используют "тепкишек". "Тепкишек" - это небольшая переметная сумка, сшитая из кошмы, чтобы «тепкишек» был красивым, его с двух сторон вышивают, обшивают тканью. Еще одна составная часть ашамай - "колтырмаш". "Колтырмаш" - это тонкая, опорная палка, соединяющая переднюю и заднюю стороны ашамай. В день, когда ребенок садится на коня, собираются все люди аула.

К гриве и хвосту коня, к шапке ребенка, одетого в новую одежду с головы до ног, пришивали перья филина (үкі). Казахи очень ценили филина и говорили: (үкі - жыншайтаннын қағағатын күс") - "Филин – это птица, оберегающая от злых духов и бесов". Больше внимание уделялось обучению коня, на котором должен был ездить ребенок. Он должен был быть и смиренным, и красивым. Особенно помнили, что конь должен быть примерно того же возраста, что и мальчик, трехлетком или четырехлетком. Если к этому времени «бәсіре», посвященный ребенку, уже укрощен и готов к езде, ребенка сажают на него. Честь посадки мальчика в седло на коне, выпадала на долю одного из лучших ездоков. Мальчика сажают на коня, его ноги засовывают в "тепкишек", поясицу обматывают тоненьким одеялом и привязывают к колтырмаш", чтобы не болело тело» [1].

Таким образом, свое обучение верховой езде, боевым искусствам, охоте, и другим навыкам, свою первую школу сыновья степных народов начинали с малых лет. Эта была целая система мировоззрения и особая культура, своего рода степной университет, который «заканчивал» каждый джигит к своему совершеннолетию. Экзаменом служили боевые походы, которые и были боевым крещением молодого воина.

Кочевой способ существования способствовал экзистенциальному философскому мировосприятию, выразившемуся в особой культурной погруженности номадов в свою среду. Среду, которая служила для них не только полем боя, но и колыбелью, праматерью всего живого и с которой кочевники жили в гармонии и в ладу. Раскрывая суть их коэволюционного сосуществования, обратимся к гениальному философу Ортеге-и-Гассету. Он, раскрывая категории отчуждения и погружения, выделяет три важных момента в их объяснении:

«1) человек чувствует себя потерянным, потерпевшим крушение в вещах; это отчуждение;

2) человек энергично погружается в свою внутреннюю духовную жизнь, чтобы прояснить свое мирозерцание и обдумать свое возможное господство; это погружение в размышления, созерцательная жизнь, о которой говорилось в романах, «теоретикос биос» греков, теория; 3) человек возвращается к погружению в мир, чтобы действовать в нем соответственно заранее составленному плану; это – действие, активная жизнь, практика. Поэтому нельзя говорить о действии без его измерения, в котором оно должно стать руководящим принципом для предварительного созерцания; и, наоборот, нет погружения в свои размышления без проецирования будущего действия. Итак, судьба человека есть прежде всего действие. Мы живем не для того, чтобы думать, а, наоборот, думаем для того, чтобы достигнуть подлинной жизни» [2]. Человек познавая мир, сначала отвергает те вещи, в которых он растворяется и теряет себя, и обращается к самому себе, к своей внутренней интимной жизни, к внутреннему созерцанию, благодаря которому он формулирует основные понятия, категориальную систему, упорядочивающую мир вещей.

После чего он снова погружается в действительность, в вещный мир, не боясь раствориться и потеряться в нем, поскольку он действует уже по заранее выработанному плану.

Если сопоставить эти три постулата, можно в духовной эволюции человека выделить мифы, с помощью которых он переставал чувствовать свой страх, свое отчуждение к миру. В истории человечества это был период, когда индивидом создавалось мистическое понимание происхождения мира и уважительное отношение к силам природы, которые потом проецировались на самого человека, структурировали его понимание самого себя.

Осознав себя властелином мира у человека начинали расправляться крылья, он чувствовал себя поэтом и вершителем жизни. В контексте рассматриваемой нами кочевой цивилизации природные архетипы «Тенгри» и «Умай» наделяли человека незаурядной силой и мощью, приводили в действие все его творческие силы. Так расцветали ремесла и города, люди стремились к знаниям и к звездам, так появился великий шелковый путь, так рождались континенты «*homo sapiens*» осознававших себя хозяевами необъятной планеты, которая каждому поколению людей открывала свои сокровенные знания и сокровища. Так появились Тадж-Махал и мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави, айпоты и современные технические новинки, которыми охотно пользуется современный человек.

Выделение «Я - человек» в себе окрыляло, наполняло поэзией и любовью к миру и к себе. Теперь не страх был мотивом действий и поступков индивида, а его любовь к миру, воодушевление и признательность Богу за сам факт существования. Это создание легенд, эпосов, лирических произведений. Особое место в этих творениях занимал сакральный образ коня. Кстати, согласно древним источникам, лучшим напитком Чингизхана была кровь его боевого аргамака. Аккуратно сделанный надрез на шее его коня - и усталый путник вновь на коне. Просто это был самый безопасный напиток хана, который мог быть отравлен в любую минуту. Конечно, были войны, в чью обязанность вменялось проверять напитки своего господина, но когда во время долгих военных походов фляга с водой опустошалась, другого выбора у хана не было. Корни этого ритуала уходят в глубокую древность и связаны, в первую очередь, со стремлением человека идентифицироваться, слиться с человеком или тотемическим животным, которые олицетворяли собой некий идеал сильного, смелого и неустрашимого существа.

До сих пор многие города и страны имеют в качестве государственных символов – животных или птиц. Например, символ Алматы не только вкусное алматинское яблоко, но и древний сакский воин, летящий верхом на барсе.

Возвращаясь к изучению образа коня, мы можем привести множество примеров почитания этого животного у разных народов. Изготовление сосудов с зооморфными ручками

было также широко распространено в степях Евразии. Фигурки животных с головой, обращенной к устью сосуда, по древним верованиям, охраняли его содержимое от «нечистой силы». Современные вышивки узбекских сузани (панно), таджикской одежды в изобилии предоставляют нашему воображению примеры культа растений, а ковры казахов и киргизов свидетельствуют о поклонении животным, среди которых сакральный образ коня фигурировал как неотъемлемая часть бытия евразийского кочевника.

«Конь издревле олицетворял культ солнца, был атрибутом солнечного божества. Наскальные изображения изящных коней в Южном Кыргызстане (Араван, Айрымач-Тоо) подтверждают развитый культ коня. Под изображением животных сделаны полочки для жертвенных возжиганий. Священная роль коня была известна как у земледельческих, так и степных племен и народов. Уже в эпоху бронзы фигурками лошадей украшались навершия кинжалов. В раннежелезном веке распространяется обряд захоронения с конем. Предметы его почитания в огромном количестве находят на территории Туркестана.

Китайский автор IX в. сообщает, что арабы пытались уничтожить статую бронзовой лошади, которой поклонялись в храме, расположенном в Кобадiane (Таджикистан). Культ коня просочился и в мусульманские легенды. «В Ура-Тюбе (Таджикистан), Араване (Южный Кыргызстан) население почитает следы копыт и тень Дуль-Дул, легендарного коня Али. У казахов и в XIX в. по окончании поминок голова любимой лошади умершего клалась на надгробный памятник или насаживалась на шест, иногда вместе с хвостом животного. По сей день некоторые восточные казахи, горные кыргызы могут оставлять на могиле череп коня, заколотого на поминках» [3].

Характерными памятниками сакской эпохи на территории Казахстана являются курганы с «усами» - каменными грядами и подбойные погребения. Курганы с «усами» были особенно распространены в Центральном Казахстане, меньше – в Семиречье и на Сырдарье. «Большие курганы содержат под насыпями погребения людей в глубоких грунтовых ямах овальной формы, а под насыпью малых курганов обычно находят конские скелеты и грубые глиняные горшки. Этот вид памятника был традиционен для населения степей Сары-Арки. Возникнув в VII веке до н.э. он намного пережил своих создателей и почти не изменил своего вида в течение целого тысячелетия»[4]. Причина такой долговечности объясняется большой стойкостью традиций культового строительного искусства и религиозных обычаев у древних скотоводов Центрального Казахстана, связанных с поклонением солнцу. С солярным культом тесным образом был связан обряд жертвоприношения коня. Много раз зафиксированный археологами обычай захоронения коней в курганах «с усам» находит объяснение в древних индоиранских письменных источниках. «Ригведе, например, коню посвящаются погребальные гимны, где он уподобляется солнцу. В Авесте сюжет быстроконного солнца получает дальнейшее развитие. С солярным культом и связан третий элемент комплекса кургана «с усам» - каменные выкладки, всегда построенные «входом» на восток, к утреннему солнцу» [4].

В эпоху бронзы была развита резьба по кости. В поселении Шортанды-Булак в Каркаралинской степи обнаружены миниатюрная полированная пуговица полусферической формы, трубчатая кость лошади с резным орнаментом из ромбов и треугольников. По мнению выдающегося казахского ученого Маргулана, народное искусство казахов находится в генетической связи с искусством саков, усуней, гуннов и других племен, населявших в древности территорию Казахстана. «Они имели сходные бытовые черты и форму хозяйства. Вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством. Лошадь имела наибольшее значение в жизни скотоводов. Лучших коней приносили в жертву. Череп и копыта коня служили оберегом. Например, саки подвешивали к поясу копыта знаменитого скакуна как предмет, приносящий счастье в пути и оберегающий от гибели во время боя. Такой же обычай был и у казахов» [5].

Далее Маргулан считал, что казахи поклонялись наскальным изображениям копыт скакуна, которые в огромном количестве открыты в Центральном Казахстане, в горах Каратау и Мангышлака. «Эти рисунки казахи называют тулпар тас – камень скакуна. Аль-Бируни и Казвини отмечали, что этим рисункам поклонялись огузы и кипчаки. Изображение копыта скакуна встречается и на обожженных кирпичках мавзолеев Центрального Казахстана, например, мавзолея Келин-там на реке Кенгир (XIII век)» [5].

Если была так высока культура почитания лошадей, то почему же в Турции коней не едят, а в Казахстане – самыми лучшими деликатесами считаются блюда из конины? Такой вопрос мог бы прозвучать только в устах несведущих людей. Нет ничего вкуснее еды для потомков великих кочевников, чем казы, карта, бешбармак, кумыс- гордость казахской национальной кухни. Ответ известен многим. Если в Турции, как мы знаем, благоприятный, для произрастания всевозможных фруктов климат позволял питаться в более щадящем режиме, то кочевой образ жизни казахов диктовал свои условия выживания. Скотоводы-кочевники питались тем, что давал им их образ жизни и природа, ведь мандариновых и апельсиновых рощ в Казахстане не было. Материальная и духовная культура любого этноса всегда зависела от природных климатических условий.

Выводы:

Таким образом, конь издревле олицетворял культ солнца и играл важную роль в жизни кочевников Евразии. Некоторые атрибуты коня являются и сегодня очень важными сакральными вещами, которые наделяются сверхъестественной силой, способной отгонять злых духов. В шаманизме таковыми являются подкова и камча, они также являются предметом особого почитания у казахов и считаются оберегами, приносящими людям счастье. И поэтому часто встречаются в квартирах современных казахов. Как дань уважения прошлому и как наследие древней архаической культуры народов Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токтабаев М.Н. Традиционная культура казахов /Труды Института этнографии. М., 1951, нов. сер. Т. XIV, с. 142-146.
2. Долгов К.М. От Киркегора до Камю. М., Искусство, 1990, 327 с
3. Табышалиева А.С. Вера в Туркестане. Бишкек, АЗ-МАК, 1993, 162 с.
4. Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии История, археология и этнография Средней Азии. М., Прогресс, 1968, 267 с.
5. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, Онер, 1986, т.1, 458 с.

ВОЕННЫЕ НАУКИ

УДК 159.9:355.01(574)

Баубериков Газиз Жолдасбекович – Начальник цикла военной педагогики и психологии кафедры военно-педагогических и общественных наук, майор (Петропавловск, Военный институт Внутренних войск МВД Республики Казахстан)

СОДЕРЖАНИЕ, СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Важнейшей составляющей психологического обеспечения служебно-боевой деятельности, если рассмотреть, в частности, в условиях боевых действий войск является **психологическая помощь (самопомощь)**, представляющая собой комплекс